

Митр. Сурожский Антоний: Вопросы брака и семьи - ответы на вопросы

Митр. Сурожский Антоний: Вопросы брака и семьи - ответы на вопросы

Ответы на вопросы

Как должна строиться христианская семья?

Апостол Павел говорит, что семья — это малая Церковь, то есть что в семье присутствуют все или основные характерные черты церковной любви (Еф 5:22—33). Такого единства, такой любви, которая бывает в семье, при всех трудностях, при нашей греховности, конечно, нигде не найти. И расширение этой тайны единства из семьи — дальше должно быть по образу семьи, а не по какому-нибудь теоретическому образу; то есть общества людей, которые между собой сговорились бы о единстве, не могут достичь той полноты единства, которая бывает в семье. Ни семья, ни это общество не достигают полноты, о которой мы мечтаем, это само собой разумеется. Между семьей и Церковью апостол Павел проводит некоторую параллель не только в словах о том, что семья есть малая Церковь, но и в пятой главе Послания к Ефессянам, которая читается на венчании, где он говорит, что муж должен занять место Христа по отношению к Церкви, жена — место Церкви по отношению ко Христу (Еф 5:20—33). И молодые люди, молодые мужья очень часто как бы упускают из виду, что — да, есть это соотношение некоторой зависимости жены по отношению к мужу, но что предпосылка к этому та, что муж призван занять по отношению к жене то положение жертвенной, всецело себя отдающей любви, которое занял Христос. Эта посылка, расширенная на Церковь, нам дает еще одну аналогию и вместе с этим, конечно, некоторую разницу потому что то, как совершается это взаимоотношение мужа и жены, совершается по образу Церкви, а вместе с этим осуществление этой любви в Церкви осуществляется по образу семьи.

Подавляющее большинство церковной литературы относится к отдельной личности, более того, в основном к монашествующим. Что вы скажете о христианской семье ?

Возможно, что сказанное будет звучать по-язычески, но я думаю, что в первую очередь христианская семья должна быть счастливой. Это не значит, что надо потакать друг другу во всем. Но если христианская семья представляет собой картину несчастливого сочетания двух, трех, четырех людей, то всякий неверующий или полуверок, глядя на нее, скажет разочарованно: ну, если это — все, что Бог может сделать, то мне Он не нужен! Или еще хуже: если вторжение Бога в отношения двух людей приносит такие плоды, то лучше без Него... И мне кажется (я говорю не о всяком счастье, не о гармонии во зле, а о серьезном отношении), что в центре семьи должна быть любовь, должна быть радость, а не постоянная мука во имя какого-то идеала, часто выдуманного.

Христианская семья могла бы быть самым убедительным доводом в пользу того, что, если Бог входит в какую-то обстановку, приходит к какой-то группе людей, Он вносит что-то, чего нигде нет, и что это можно назвать счастьем, а не разбитостью. Я поэтому говорю о счастье как о первом и очень важном условии. Счастье, конечно, должно быть нравственно выдержанное, то есть должна быть подлинно христианская любовь между мужем и женой, и когда я говорю «христианская», я не говорю — что-то экзотическое и странное, а просто то отношение, в котором человек почитает, любит другого, считается с ним, считает, что он или она (это относится к тому и другому) с радостью пожертвует чем-то желанным ради другого, что дети тоже воспитываются в правде, в любви, что им стараются внушить, что добро приносит радость, а не только натугу. Мне кажется, что счастливая семья — убедительное

доказательство того, что, приди Бог в человеческую обстановку, она может расцвести так, как никакая другая не может.

Можно порой — но тогда это должно быть сделано всеми сообща — пожертвовать очень многим, что составляет обыкновенное мирское счастье, ради чего-то более возвышенного. Помните, Иоанн Кронштадтский сказал своей жене, что они будут служить Богу, а счастье успеется — пусть другие будут счастливы. Если это взаимно, если оба или вся семья готовы отдать некоторые свои радости для других, это дело иное. Но против чего я протестую, это против идеи, что один имеет право загубить чужую радость, отнять радость у других, чтобы куда-то унести ее на сторону, пойти утешать кого-то на другом конце города, тогда как собственная семья остается без радости, без утешения.

В наше время развод стал повседневным фактом, люди относятся к этому вопросу очень легко. Церковь смотрит иначе...

Развод — одна из самых больших трагедий, какая может настичь человека. Он представляет собой конец не только той любви, которая обусловила брак, но конец надежды на целую жизнь полную радости и глубины. И вот в этом отношении развод надо рассматривать очень, очень внимательно. Почему люди расходятся? Как может случиться, что два человека, которые друг друга полюбили, вдруг обнаруживают, что любви между ними нет и что им остается только разойтись? Первая причина, мне кажется, в том что очень многие браки совершаются между людьми не полностью зрелыми, людьми, которые воображают, что та радость, которая между ними существует, когда они встречаются, когда они общаются, когда они вместе что-то делают, будет продолжаться без конца и что ее не надо ни защищать, ни возделывать. Вторая причина в том, что порой любовь, которая вначале казалась настоящей, оказывается более поверхностной, чем мы ожидали, и обстоятельства жизни бывают настолько тяжелые, что эти неожиданные обстоятельства крушат то единство, которое могло бы устоять при очень большой, очень крепкой любви.

Христианские Церкви Запада большей частью развод не принимают. В православии развод приемлем. Почему? Каким образом это возможно? Западные Церкви ссылаются на слова Спасителя о том, что разводное письмо Моисей разрешил давать по жестокосердию людей (Мф 19:8), но изначально так не было. И я скажу: почему-то христиане на Западе думают, что такое изречение относится только к временам Христа, а теперь мы свободны от этой сердечной жесткости и поэтому для нас развода не может быть. На самом деле мы знаем, как бесчувственно, как узко, как холодно бывает человеческое сердце и как легко, когда человек думает, что он другого любит, вдруг ему охладеть из-за того, что любимый человек чем-нибудь оказался (как ему кажется) недостойным этой любви или ранил его в области, которая для него уж слишком болезненна и дорога. Вот поэтому мы, принимая в учет, что человеческое сердце бывает жесткое, неустойчивое, считаем развод возможным, хотя это величайшая трагедия жизни. Больше того: мы это принимаем на себя, потому что ответственны за развод не только муж и жена — ответственна за развод вся Церковь. Ведь мы венчаем без разбора всякого человека, который придет и может доказать, что он крещен. Разве это основание? Разве речь идет о том, чтобы два человека соединились «по праву»? Нет, христианский брак должен быть иконой взаимного отношения Христа с Церковью, то есть совершенной отдачей одного другому, готовностью всей жизнью и всей смертью любить человека, забыть себя до конца ради любимого человека, и это редко встречается. На самом деле большая часть тех, кто приходит венчаться, ищут радости взаимной встречи, но и не думают о крестоношении. Поэтому, когда они сталкиваются с трудностями во взаимоотношениях, оказывается, что они не готовы к этим трудностям совместной жизни, — и они расходятся. Пока мы будем венчать формальных «христиан», людей незрелых, у нас будут продолжаться разводы.

Скажете: надо было бы тогда прекратить венчания? Нет, но надо бы воспитывать людей, причем воспитывать их не словом, не проповедью, а примером. Как может молодой человек, молодая девушка знать, научиться, что по-настоящему их может соединить крестная ликующая любовь, если в христианском обществе этого не бывает? И поэтому я считаю, что ответственность за развод лежит на всей Церкви, на всем христианском обществе. И этим объясняется то, что Церковь допускает развод, потому что виновата она в лице своих служителей и своих членов: родителей, священников, окружающего общества. Но трагедией развод остается — может быть, самой большой, — потому что это момент, когда двое, бывшие хотя бы зачаточно едиными, вдруг перестают быть едины и делаются друг другу чужими.

Мы не принимаем развода для священника, потому что священник призван быть примером, образом для своих пасомых, но мы с милосердием, с любовью и с глубокой болью допускаем развод среди мирян. Но это не норма, это не одна из возможностей, стоящая перед людьми, когда они решают венчаться, — это катастрофа. Поэтому Церковь в древности после развода в течение долгого времени, порой до семи лет, не допускала до брака разведшихся, считая их незрелыми для того, чтобы вступить в новый брак. Они должны были пройти целую школу духовного воспитания — не образования, а именно воспитания, возвращения, чтобы можно было войти в брак совершенно по-иному, зрелыми людьми.

Как осуществить свою христианскую жизнь верующему, одинокому в атеистической среде, в своей собственной семье ?

У меня нет личного опыта, как живут в атеистической семье, но я такие семьи знаю. И хотя я могу судить только извне, я скажу следующее, Нас Бог послал в мир для того, чтобы в этом мире мы были светом, были той солью (Мф 5:13—14), которая предотвращает гниение, чтобы мы были голосом истины и правды, чтобы мы были для людей явлением такого измерения, которого они не знают, и такого рода человеком, какого вне Бога не существует. Поэтому жить в атеистической семье — также сложно или просто, как жить в атеистическом мире. Весь наш мир, в общем, безбожен. Задача наша в том, чтобы в такой семье жить всей правдой, всей чистотой души, жить всей истиной, которые в нас есть, но не употребляя ту истину, ту правду, ту красоту, то благородство, которым мы научились от Бога, для того, чтобы унижать, оскорблять, раздражать окружающих. Все это надо употреблять так, жить этим так, чтобы, глядя на нас, люди ставили перед собой вопрос: что же у этого человека есть, чего у меня не хватает? Какое в нем сияние, какая в нем тишина, какая в нем глубина! Как он может меня любить, когда я постоянно оскорбляю его? Как он может в меня верить, тогда как я в себя не могу верить? Как он может меня защищать от всего зла, которое — как я сам понимаю — во мне действует и меня привлекает, не унижая, не оскорбляя, не попрекая меня, а только становясь между мной и злом и страдая от этого? Если так думать, то я скажу: из такой семьи уйти нельзя, потому что наша роль — быть светом, а не уйти туда, где светло и без нас.

Но есть и практические трудности. Как, живя в атеистической семье, верующему человеку ходить в церковь, как поститься как соблюдать все правила религиозной жизни, которые он хочет соблюдать?

Первое правило религиозной жизни — так полюбить своего ближнего, чтобы быть готовым для него отдать свою жизнь (Ин 15:13). А отдать жизнь вовсе не значит умереть, это значит изо дня в день из часа в час пренебрегать собой, отстранять свою озабоченность о себе, для того чтобы думать о другом. В этом — все Евангелие. Спаситель нам говорит, что все Евангелие, весь Закон и пророков можно выразить так: возлюби Бога всем сердцем, всем умом, всем помышлением своим и ближнего своего, как самого себя (Мк 12:29—31). И вот это — все.

Теперь: молиться никто не может нам мешать, потому что молитва — это внутреннее

состояние, это наше общение с Богом. Можно без единого движения губ, без единого телодвижения, без единого слова, без единого звука постоянно предстоять Богу в молитве. Можно не ходить в церковь или ходить редко, но ходить от всей души. И можно (как это бывает с тысячами, порой миллионами людей, как это было со мной в течение войны, когда никакой церкви не было вблизи) в момент, когда ты знаешь, что идет богослужение, душой приобщиться к тому, что там совершается, перенестись в одно мгновение туда, уйти в Бога и этим быть в церкви. Потому что в церкви не тот, который там стоит, «отстаивает» службу, а тот, который так погружен в Бога, что он приобщается вечности. Этого ни-кто ни у кого не может отнять, и если человек на это идет, то это неминуемо каким-то теплом или светом достигает и до тех, которые не верят ни во что. Они будут с удивлением чувствовать, что что-то случилось, что-то достигло их.

Как рассматривать практику абортов ?

Вопрос о допустимости аборта говорит об изумительном бесчувствии человека, вообще человечества к человеческой жизни. Дико думать о том, что одновременно говорят о святости человеческой жизни — и тут же разрешают и узаконивают аборт. Мне кажется что в той стране, где аборт узаконен, никто, начиная с правительства и кончая обыкновенным обывателем, не имеет права говорить том, что жизнь человека является святыней, потому что аборт - это убийство.

Разумеется, бывают случаи, когда аборт неизбежен, но эти случаи только медицинского порядка. Когда зачинается ребенок, который не может родиться, который будет уродом, который будет чудовищем — да, в таком случае аборт допустим. Но когда аборт совершается четой или женщиной, которая допустила себя до того, чтобы зачать ребенка, которого она не хотела иметь и от которого хочет отделаться, это просто преступление.

Говорить о том, что можно совершать аборт в какой-то момент до того, как зародыш уже видимо принимает образ ребенка, — тоже не выход из положения, во всяком случае для верующего. Можем ли мы сказать, что когда Божия Матерь зачала Спасителя Христа, то до какого-то момента — до 14-й, 18-й, до 28-й недели — Он был не человеком и не рождающимся Богом? Нет, в момент зачатия зародыш ребенка уже является человеком, его уничтожение является убийством человека. На это надо смотреть прямо и серьезно, никакого извинения в этом отношении нет. Аборт является результатом или распушенности людей, которые не принимают никаких мер для того, чтобы не зачать ребенка, или говорит о совершенном бесчувствии к человеческой жизни. С точки зрения Церкви, с точки зрения Евангелия, да просто с точки зрения здравого человечества это преступление. Вот единственное, что можно об этом сказать.

Те женщины, которые совершают аборт, не знают, какие будут последствия, и психологические, и физиологические. Бывает не так мало случаев, когда женщина, совершившая аборт, впоследствии больше ребенка не может иметь, и тогда действительно она впадает в отчаяние, она оказывается лишенной той радости материнства, от которой она отказалась в какой-то момент и о которой она теперь мечтает совершенно напрасно.

Но, кроме того, и психологически рано или поздно бывает, что чета или отдельный человек вдруг опомнится, они вдруг поймут, что они сделали, поймут, что то, что они совершили, непоправимо: живое существо было ими уничтожено, лишено жизни, которую они сами так ценят и так любят.

Я думаю, что к этому можно прибавить для верующего еще одно. Бывает, что человек совершит грех, и этот грех должен быть так или иначе исправлен. С человеком, с которым мы

поссорились, можно примириться. Зло, которое мы сделали человеку, можно иногда исправить. Но отнять жизнь у живого существа — зло непоправимое. Единственное, что можно сделать, это — молиться Богу о том, чтобы Он дал вечный покой этой душе, которой мы не дали возможности воплотиться и стать живым человеком. Я думаю, что здесь есть какой-то зачаток надежды, что, действительно, перед Богом всякое зачатое существо является живым существом, ему надо дать имя, надо о нем молиться и надо до конца жизни каяться в том, что живое существо было — по легкомыслию, по нецеломудрию, по какой-то жадности телесной или душевной — лишено жизни. Это о покаяния. Но покаяние бессмысленно, если оно не приносит плода, и когда говорят о том, что бывают повторные аборт, это значит, что человек не продумал и не понял еще, что совершил. Плодом, результатом покаяния должно бы быть сознание, что этого никогда больше сделать человек не сможет.

В таком случае встает вопрос о планировании семьи.

Один из вопросов, который сейчас ставится постоянно, это вопрос о допустимости контрацепции. И простой ответ, который дают люди, большей частью не понимающие вопроса, это просто - воздержание. Воздерживайтесь от брачного ложа, не женитесь, не выходите замуж, и тогда не будет проблемы. Но проблема не в этом, проблема в том, что два человека могут соединиться духовно, душевно, телесно до самых глубин, и вместе с этим — по обстоятельствам жизни или по своему внутреннему возрастанию — дойти до какого-то момента, когда других детей производить на свет, вводить в жизнь нельзя. Есть положение, когда всякий ребенок, который будет рожден от этой четы, погибнет — от голода, от мора, от той или другой болезни, которая охватила родителей. Я говорю сейчас не о дурных, оскверняющих болезнях, а — чахотка, рак или такого рода болезни. И тогда имеем ли мы право вводить в жизнь ребенка, который будет наследником этой болезни или этих ужасных обстоятельств? Вопрос здесь не в том, чтобы прекратить всякое брачное общение, потому что брачное общение это не попытка с жадностью насладиться телом другого человека, а момент, когда человек так преисполнен любовью к другому, что всего себя отдаст, отдает душу свою, отдает телесность свою, но в чистоте, не с жадностью, не для того чтобы у другого человека что-то приобрести или оторвать. И вот в такие периоды, в таких состояниях, мне кажется (и за это меня, вероятно, многие осудят), что законно прибегнуть к контрацепции, то есть не дать ребенку родиться в такие обстоятельства, где он встретит только страдание, изуродование жизни, смерть, в жизни которого ничего не будет светлого.

Конечно, можно играть словами и говорить: «Если Бог не захотел бы, не родился бы ребенок». Но Бог не насилует человека. Он нам дал свободу решать и действовать согласно своей мудрости или своему безумию. И поэтому мне кажется, что если контрацепция не соединяется с попыткой ложных, нецеломудренных человеческих отношений между мужем и женой, а связана с тем, чтобы не создать возможность уродливой жизни для невинного ребенка, который не виноват ни в чем, то контрацепция справедлива, она законна.

Совсем другое дело — аборт. Аборт это убийство, и об этом и говорить нечего. Я знаю, что в некоторых медицинских случаях приходится прекратить жизнь ребенка, потому что иначе и ребенок, и мать погибнут, но это медицинская проблема. Когда, например, рождается урод, который не может родиться или который может убить мать и себя, я глубоко убежден, что справедливо не дать ребенку родиться, если не будет ему дана возможность войти в жизнь, а не в полусмерть, не в погибель. Но это не должно быть связано со страстной и безответственной жизнью.

Тогда поясните, что такое целомудрие. О нем так мало написано, само до сих пор остается ни филологически, ни богословски не расшифровано.

На вопрос о целомудрии, который вы мне ставите, ответить не так просто — в том смысле, что слово не раскрывает значения самой вещи. Если говорить не филологически, а так, как жизнь, опыт нас учат, целомудрие мне представляется как *мудрая цельность* человека, то есть цельность, которая охватывает и дух, и душу, и тело. Мы конечно, большей частью думаем о целомудрии в телесном порядке, но целомудрия не существует без духовно-душевной стороны. Целомудрие это такое состояние человека, который стал *цельным*, который, с одной стороны, укоренен в Боге и, значит, участвует в Его чистоте (я не говорю «в святости» нарочно); с другой стороны, если человек достаточно укоренен в Боге и сознает свое достоинство — потому что он Богом уважаем, любим, потому что Бог в него верит, — тогда человек может хранить свою душевность, то есть мысли, чувства, переживания, от осквернения, от того, чтобы ими пользоваться недостойно самого себя.

И наконец, есть момент телесный, когда человек сознает, что его тело — святыня, что его тело на равных началах с душой и духом способно принадлежать Богу, способно на общение с Богом. Ведь когда мы читаем начало книги Бытия, мы видим, что Бог создал материальный мир до того, как человек вообще существовал. И этот материальный мир, созданный Божественным словом, охраняемый Святым Духом, воспитываемый Святым Духом, имеет собственную связь с Богом, в нем есть какое-то автономное взаимное отношение с Богом; и мы не имеем права осквернять материальный мир и, в частности, ту небольшую частицу материального мира, которую представляет собой наше тело, наша телесность. Поэтому целомудрие заключается в том, чтобы человек понял, что его тело является святыней, что его тело не может просто быть предметом игры, что его тело принадлежит ему и Богу и что Бог общается с нами не только через нашу душевность и духовность, но и телесность. Это совершенно ясно, когда мы говорим о том, что в Православной Церкви существуют таинства: мы говорим о том, что, не будучи в состоянии как бы вспорхнуть в Божественную область, мы получаем приобщенность к Богу через не оскверненную ничем материю этого мира, с которой соединяется Господь.

В крещении мы погружаемся в воды, которые по своей природе чисты. Они, возможно, осквернены человеком, но это осквернение можно рассматривать в порядке как бы мученичества: воды остаются чистыми, хотя употребляются человеком уродливо. И когда Христос погрузился в воды, которые только что символически омыли тысячи людей от их грехов. Он как бы погрузился в мертвые воды, и мертвость или, вернее, смертность к Нему как бы прилипла. Он приобщился нашей смертности именно благодаря этому, а воды стали чистыми, святыми. И когда воды освящаются в церкви, они отдаются полностью Богу, и когда мы погружаемся в эти воды, мы погружаемся как бы в те воды, которые изначально задумал и сотворил, а позже освятил Господь.

И то же самое мы можем сказать о Причащении Святых Тайн. Мы причащаемся Хлебу и Вину, но этот Хлеб и это Вино непричастны человеческому греху изначально. Земля, в которой прорастет колос, чиста перед Богом, она не греховна, она осквернена. И это разные вещи. Зерно, которое бросается в нее, тоже чисто. Воздух, дождь, тепло, которые Господь дает, чтобы взошел колос, от Него. И человеческий труд их приводит в реальность, и человек своей верой, своей преданностью Богу их приносит Богу в дар: *Твоя от Твоих...* Это все Твое, Господи, не мое, я Тебе это приношу, отдаю, возвращаю. Оно было предано во власть зла человеческой злой волей, доброй волей человеческой оно отдается Богу. И ставши чистым, освященным, пронизанным благодатью, оно соединяется с человечностью, то есть с материальностью, если можно так выразиться, самого Тела и Крови Христовых, и мы приобщаемся через материальность к тому, Кем является Господь Иисус Христос и приобщаемся к Богу.

Поэтому целомудрие надо понимать именно в этом порядке: наше тело является частью неоскверненного мира, вернее, чистого мира, который осквернен человеком. И возвращая его

Богу, мы его делаем чистым. И целомудрие именно заключается в том, чтобы относиться к своему телу и к своей душевности как к святыне, которая пронизана Божественным присутствием. И когда человек вступает в телесное общение в браке, это не осквернение, это момент, когда один человек другому — который его любит, его уважает, который к нему относится с благоговением, — отдает свою чистоту, чтобы своей чистотой поделиться с тем, кто в чистоте сердца, в духовном целомудрии его воспринимает. И тогда брак делается действительно таинством, то есть тайной, в которой уже совершается единство двух в чистоте и в святости брака. Вот, мне кажется, где целомудрие и в чем его корень и значение.

Воздержание — другое дело. Человек может воздерживаться от всего плотского и гореть всеми страстями, которые оскверняют его ум и его сердце. Целомудрие — в другом: целомудрие не в воздержании, не в отрицании плоти, а в том, чтобы в своей плоти увидеть святость и поделиться этой святыней с другим человеком.